

БРЫНЬКО Вадим Александрович

О предках.

Мой прапрадед, Галковский Павел участвовал в польском восстании 1863 года и, насколько мне известно, со слов его внучки, моей бабушки, он был дворянином, из священнослужителей. Какой он был конфессии, я не знаю. Не уверен, что был католиком, возможно, был греко-католиком, а может и православным. По семейной легенде сидел он якобы в Петропавловской крепости, а его жена с малолетним сыном отправлена была в ссылку в Томск. Уже в советское время его сын, мой прадед, Василий Павлович Галковский в 1937 году был репрессирован. Как рассказывала бабушка, за ним пришли в одну из ночей 37 года и увели навсегда. Потом, уже в 1950-е годы, когда бабушка получала реабилитацию на него, ей сказали, что он якобы прожил после ареста в заключении еще 9 лет. Она все тогда удивлялась, что он так долго мог прожить в лагерях, так как на время ареста уже не молодой был. Это уже когда много позже в годы перестройки моя тетя со стороны отца получала документы в архиве КГБ на него, то оказалось, что прожил то он после ареста всего несколько дней. И никуда его из Томска не высылали, здесь расстреляли.

Этот мой прадед, Василий Павлович Галковский, служа в Томске чиновником в Томской казенной палате, сумел восстановить свое дворянское происхождение. Почему я об этом знаю? У нас дома была большая коробка, в которой лежали сохранившиеся его визитные карточки, из которых мы, будучи детьми, умудрялись делать игральные карты. На этих визитных карточках его фамилия была двойная - Кривошей- Галковский. Я не знаю почему, с чем это было связано. Его отец вроде бы не был "Кривошей". Может быть ему эту приставку добавили при восстановлении дворянства. У бабушки потом были проблемы из-за этого с наследованием дома.

Моя бабушка, Феофания Васильевна в девичестве была Галковской, но у нас фамилия сменилась на моем отце, так как бабушка вышла замуж за донского казака и от него пошла фамилия Брынко. Хотя дед, почему-то настаивал, чтобы мой отец взял фамилию Галковский, но бабушка настояла на том, чтобы он носил фамилию отца.

О себе.

Родился я в 1957 году в Томске в том самом доме по ул. Киевской, 75, который купил мой расстрелянный прадед. У нас из поколения в поколение передается такая легенда, что моего прадеда из-за этого дома и расстреляли. Якобы, какой-то завистливый сосед донес, что люди хорошо живут. Мама моя из семьи переселенцев из Смоленска. Учился я в школе № 51 г. Томска. После её окончания поступил на физико-технологический факультет университета, но после первого семестра понял, что это не моё и ушел оттуда. Через два года работы поступил на ИнЯз Томского пединститута и в 1981 году его закончил. После института отработал 4 года на селе, в селе Коломинские гривы в Чаинском районе был учителем английского языка, а практически вел почти все предметы школьной программы. Там же женился в 1984 году, в 1985 году уже семейным человеком вернулся в Томск. Через несколько месяцев после возвращения в город у нас родилась первая дочь, а через два года появилась на свет вторая дочь Ксения.

В течение 7 лет работал в школе №16 г. Томска учителем английского языка, завучем, заместителем директора. Потом был приглашен в Первую гуманитарную гимназию, сначала учителем, потом заместителем директора.

И вот в 1994 году, 25 августа, мы в это время были на реколекциях в селе Киреевске под Томском, приехал один из наших прихожан и говорит, что меня срочно приглашает к себе настоятель о. Антон. Пришел я к нему, а он мне сообщает, что уходит директор католической гимназии в декретный отпуск, ей нужна замена и что у него нет другой

альтернативы кроме меня. Что можно попытаться сделать что-то стоящее либо закрывать гимназию. Слова настоятеля я расценил так: если это говорит настоятель, то для меня говорит Господь через него. Я, не раздумывая и уладив формальности, с 1 сентября 1994 года стал директором католической гимназии.

О гимназии.

Как вообще начиналась в Томске эта гимназия? В то время, когда в нашей общине зашли первые разговоры о гимназии, я вообще не верил, что из этой затеи может что-то получиться. Не верил, поскольку видел, что для этого нет абсолютно никакой материальной базы, нет кадров и вообще, зная всю эту школьную систему образования изнутри, считал идею с созданием католической гимназии полнейшей авантюрой. Кто выступал с этой затеей? Это были наши прихожане, инициативные люди. Они хотели создать для своих детей, а у Инны Юрьевны Клейн, ставшая первым директором гимназии, у неё тогда еще и детей то своих не было, она о приходских детях радела. Вот они о. Антона и убедили пойти на такой смелый шаг. И они это сделали. Работа началась может быть еще и потому, что все они тогда были не из педагогической среды, правда, вторая инициатор открытия гимназии Лариса Косулина была педагогом дошкольного образования. Сама же Инна Клейн по образованию была химик, кандидат наук. Правда, у неё, кажется, свекровь была учителем и когда то работала в школе завучем. Но все равно, знай они всю эту ситуацию изнутри, вряд ли бы решились на такой шаг. Я думаю, что это незнание тонкостей и помогло, что они на это пошли и справились.

Я ничего не могу сказать про первый год работы гимназии. Знаю, что когда я пришел работать в эту гимназию, занимала она тогда всего две комнаты в приюте, перегородки в них уже при мне устанавливали. О. Антон показал эти две комнаты и сказал, что здесь и будут занятия, а через два года будет для гимназии новое здание. Я не сомневаюсь, что он в это верил. Прошел год, другой. Сложностей хватало с избытком. Количество классов прибывало, а места было мало. Пришлось делать перегородки, появились маленькие классные комнаты. Несмотря на тесноту, было уютно и комфортно детям. Я знаю, что некоторые дети, которые вынуждены были уйти из гимназии, при уходе плакали. Уходили потому, что не все родители могли платить за обучение с изменением жизненных ситуаций. Например, папа стал безработным и уже не мог себе позволить платить за гимназию. По сравнению с другими частными школами в нашей гимназии плата была значительно меньше, но даже и при такой плате многие наши потенциальные ученики не могут здесь учиться. Это наша самая большая головная боль. И я знаю, что из прихода многие хотели бы отдать учить своих детей в нашу гимназию, но не могут это сделать из-за финансовых проблем. И это я считаю самой нашей большой бедой.

Мы вынуждены были повысить родительскую плату и сейчас она составляет 1100 рублей в месяц, для многих это очень большая сумма. И все же в основном в нашу гимназию поступают дети далеко не богатых людей. Просто, имея отрицательный опыт массовой школы, они приходят к нам с последней надеждой. И таких случаев очень много. Педагогически запущенных детей совсем немного- 2-3 человека, но мы и им даем шанс исправиться. И результаты положительные есть. В основном это дети, которые в силу своего характера не могут вынести жестокости тех нравов, которые царят в обычных массовых школах. На данный момент у нас обучается 60 учеников. У нас каждый ученик в поле зрения учителя каждодневно, за спиной других не отсидишься. В общем-то, помимо индивидуального подхода к каждому ученику, мы ничем не отличаемся от обычной школы. Мы не занимаемся в гимназии катехизацией, т.к. не являемся школой церковно-приходской. Школа наша доступна и детям не католикам. У нас есть предмет "Религия", но только в плане знакомства со священным писанием, главное внимание здесь уделяем нравственности. Чтобы, как культурные люди они знали, читая классическую литературу, где встречается много библейских сюжетов, о ком и о чем говорится. В Польше, в

католической стране, катехизация может проходить прямо в школе, это нормально, но у нас это невозможно, потому что государство не позволяет. Хотя думаю, что нет. Это в государственных школах нельзя. О. Антон изначально меня предупредил, что в гимназии катехизации не должно быть, если кто хочет: через дорогу храм, воскресная школа, а здесь просто урок знакомства с религией. Эти уроки ведут сестры-монахини.

Продолжительное время эти уроки у нас вела сестра Елена Верт, она 5 лет вела эти занятия. Это был мой самый стабильный, самый ностальгический период. Тогда все было четко, сейчас, к сожалению, у нас сестры часто меняются. Педагоги других предметов. Все начиналось, конечно, с педагогов-совместителей. Был период, когда постоянных штатных преподавателей вместе со мной было всего 2-3 человека. Сейчас у нас совместителем работает только одна аспирантка, остальные все штатные. Не все из них наши прихожане-католики. Если учитывать всех, и тех, кто находится в отпуске по уходу за детьми, то из всех преподавателей у нас около 70% являются католиками. Из тех, кто в настоящее время работает - 40-50%. У нас те учителя, которые не были верующими, они все впоследствии приобщаются к религии, не всегда к католической, но в любом случае католическую церковь воспринимают как нашу (российскую) церковь.

Наша гимназия до сих пор является единственной в России. В Новосибирске появилась начальная школа, они еще не выросли до гимназии и не могут на это решиться. Правда, это очень не просто. У нас нет источника постоянного дохода, как это есть во Францисканской школе в Новосибирске, мы могли бы понизить плату и принять тех, кто должен здесь учиться, но не можем этого сделать.

Стены нам замечательные даны, но их надо насытить. Надо сделать кабинеты физики, химии, компьютерный класс. У нас есть желание сделать свой спортзал, пусть небольшой, но свой. В данный момент мы арендуем зал в Штамовском институте, в порядке благотворительности. Обратились за помощью к директору института проф. Левицкому и он пошел нам навстречу.

Стоит перед нами и задача повышения уровня преподавания, хотелось бы хоть немножко, но повысить зарплату нашим учителям, сделать интересной внеклассную работу. Но на все это нужны деньги, которых не хватает. Мы сейчас создали попечительских совет гимназии, куда вошли представители общины, родители учеников. Несмотря на все сложности с надеждой и оптимизмом смотрим в будущее.

Об общине.

Я не так много посетил общин католических, но в некоторых был. Чем наш приход мне нравится? Мне кажется, что здесь у нас присутствует какая-то особенная благодать. Томск – это вообще такое благодатное место. Я думаю, что благодаря, в первую очередь, тем католикам, которые в годы репрессий сохранили веру. И Господь вознаграждает, воздает им за их верность, потому что я просто вижу как.

Я пришел сюда в 1992 году. Нужно сказать из какой я семьи. Бабушка моя со стороны отца была полькой и верующей католичкой. Бабушка со стороны матери тоже была верующей, только православной. И, сколько я её помню, она всегда ходила в церковь. Но я как педагогический работник, как, можно сказать, партийная номенклатура (завучей школ утверждали в райкоме КПСС) занимался пропагандой атеизма, в свое время окончил университет Марксизма-ленинизма, и был по своим убеждениям атеист и много времени потратил на то, чтобы доказать своим ученикам, что Бога нет.

Но уже когда работал в школе №16, я видел просто бессмыслицу своего такого существования. Все эта какая-то возня, а не жизнь. В тридцать с небольшим лет прийти к выводу, что в нашей прежней жизни нет глубокого смысла. И я тогда начал читать. Стал читать и о восточных религиях и о современных религиозных течениях. Понятно, что читал и о православии. И крестился я в 1991 году в православной церкви. Правда перед этим моя мать без моего и жены ведома окрестила наших дочерей. Я, конечно, не

возмущался, и вслед за ними пошли и мы с женой. Это не было актом каким-то сознательным, вроде бы как на всякий случай. И, все-таки, какой-то трепет был. Я это помню. Это было в церкви на ул. Алтайской. Но тогда все этим и кончилось. Когда началось просто как посещение церкви, этого трепета я уже не ощущал. Может быть потому, что закончил факультет иностранных языков и был воспитан во многом на западной литературе, читая её в подлиннике. В церковь я приходил как просто на экскурсию.

Однако, помня о том, что предки у меня из Польши и о том, что слово "костел" часто звучало от моей бабушки, я решил сходить в костел, особенно когда в газете прочитал, что в костеле возобновились богослужения. Но попал я в него только с третьего захода. В первый раз просто решил пойти на богослужение и опоздал на него на 5 минут. Сработала привычка, если опоздал, то не вхожу. Я повернулся и ушел. Мы вместе с женой тогда приходили. Во второй раз я пришел с учителем из школы, ныне покойным. Пришли после занятий в школе. Зашли, храм был открыт, но никого не было. Мы походили, посмотрели и ушли. Пообщаться было не с кем. В третий раз – это было осенью, в конце сентября, когда я пришел с друзьями на мессу и уже в ходе мессы я понял, что отсюда уже больше никуда не уйду, хотя тогда еще ничего не знал, ничего не понимал.

Службу вел о. Антон. Месса закончилась и после неё была беседа. Проводил её приезжий поляк Марек Мачуга. Помню, что тогда была беседа по притче о блудном сыне. Я Мареку тогда задал вопрос, может ли Бог принять человека, который ушел, пришел. Я тогда подумал о себе, т.к. крестился в православной церкви, но потом ушел из неё. Хотя в принципе я уже с тех пор не делал большой разницы между католической и православной церквями, мне всегда было понятно, что не может быть двух христианских церквей, это какие-то проблемы с людьми, а не с Церковью.

Поговорили мы тогда очень хорошо. Мне очень понравилось, потом подошел к нам о. Казимир. Я помню, что он читал Евангелие и проповедь, и я практически ничего не понял из-за его плохого русского языка. И вот, Валентина, моя коллега задала вопрос ему: "Вы будете здесь работать? Он ответил: "Я хотел бы, но боюсь, что мой русский не позволит мне это делать". И тогда я автоматически предложил ему свои услуги в изучении русского языка. И так получилось, что в течение полугода примерно, я не пропустил практически ни одного дня: за час, полтора до мессы я приходил в храм, о. Казимир читал тот отрывок из Евангелия, который должен был читать на мессе, я поправлял ему ударение, поправлял фонетику, потом он брал свою написанную проповедь и из польско-русского текста я делал русско-русский. И для меня это участие в подготовке проповедей, по сути стало катехизацией, потому что так внедряясь в текст проповеди я познал очень многое. И с о. Казимиром мы просто породнились. Он стал моим другом. Все священники для меня родные, но это мой специальный священник. Он стал другом всей нашей семьи. Мы с ним много ездили по деревням, в Белостоке часто бывали. О. Казимир подключил меня в помощь к катехизации, и он это сделал очень умело. Сначала он сам не понимал, что он делает, но он делал то, что надо было Господу. И вот с тех пор в приходе по воскресеньям я занимаюсь евангелизацией тех, кто впервые переступает порог Церкви.

И вот, говоря о том, чем мне наш приход кажется особенным. Я вижу, насколько он развивается. Во-первых, вижу насколько выросла численность прихода за эти последние десять лет и я вижу социальную активность прихода. Это приют, воскресная школа, гимназия. Какие бы у нас не были трудности с ней, но пока это единственная гимназия в России. Казалось бы, у столичных приходов больше возможностей. Я знаю, что есть организация "Право на жизнь", которая эффективно действует. Я знаю, что благотворительные проекты Каритас здесь реализовывались, знаю, что члены общины посещают заключенных в тюрьме. То, что не может дать государство, дают люди. Все это делается добровольно, безвозмездно. Я знаю, сколько времени на это уходит у людей. Помимо времени и средства свои в это вкладывают. Эти люди просто искренне ищут царствие Божье, они служат Христу. Для меня это очевидно.

Я не хочу сказать, что подобного нет в других приходах. Что поражает. Воскресная месса, мы привыкли к этому. Сколько людей идет к причастию! Для иностранцев это в диковинку. Какая сеть приходов у нас по области и это делают всего два священника. Я знаю, что прихожане своими силами, не привлекая средств общины создали сайт общины, помогают гимназии, т.е. я вижу жизнь общины. Но самое главное, я вижу просто такое присутствие Бога вообще здесь и очень хорошее заступничество нашей покровительницы - не зря приход называется Покрова Пресвятой Богородицы - Царицы Священного Розария. Это вещи, которые просто словами не передаются.

Я вижу, как решаются, например, потребности прихода и как Бог в этом помогает. У нас сейчас кроме меня еще три катехизатора есть. Первый дьякон католический постоянный, женатый, появился впервые в нашем приходе. Этого тоже нигде нет, ни в Москве, ни в Новосибирске, ни в Иркутске. Он пока единственный. Первая католическая школа, первая по срокам и пока единственная в России. У нас впервые в Томске институция катехумената отработана полностью, есть программы, и есть система. Такого в России нет нигде. Просто я вижу, что это живой приход. Я был на освящении собора в Иркутске. Он тогда был переполнен, но я был там позже на курсах катехизаторов и видел, как он осиротел, когда гости уехали. Там осталась кучка людей немногим больше, чем собирается бабушек в Белостоке. Дай Бог, чтобы все там пополнилось. А у нас, у меня, иногда такие мысли возникают, ну вот, наверное, мы скоро подходим к такому моменту, какой был в Томске в начале XX века, когда томские католики обращались к царю (!) с просьбой о разрешении строительства в Томске второго католического храма, так как первый уже не вмещал в свои стены прихожан.

Видно, что приход живет и растет. Те люди, что приходят сюда случайно, они быстро и уходят. Я знаю, что многие девушки приходят и восклицают: «Ах, как в сериалах!» Но такие надолго не задерживаются. Если говорить о количестве тех наших прихожан, что пошли в дальнейшем учиться в духовные семинарии, то это будет равно примерно тому количеству, которое делегируют десятитысячные приходы Польши за этот же период времени. По призванию в монастыри ситуация аналогичная. У нас, например, двое прихожан стали иезуитами, один кларетин, двое уехали в семинарию в Санкт-Петербург и один в просеминарию в Новосибирск. Сейчас уже пошли браки молодежи, которые были детьми в этом приходе. Вот венчание недавно было. У нас в приходе сейчас уже довольно много "мелочи"- детей дошкольного возраста, которые являются уже рожденными католиками в католической семье.

Записал В. Ханевич.